Глава 22

Остаться в тылу

Попытка сбежать от реальности закончилась тем, что меня сочли хрупкой и болезненной девицей, нуждающейся в тотальной опеке. Такого поворота я точно не ожидал!

Этим утром разнеслись слухи, будто в небольшой долине к северо-западу — как раз там, где пролегал наш путь, — засела группа неизвестных. В итоге меня, как больного, вчера только-только изволившего свалиться в обморок, заботливо оставили в тылу. Я мог лишь беспомощно наблюдать, как Люй Цэчжи в сопровождении верных слуг из постоялого двора «Управление ветром» скрывается за горизонтом. Пришлось, обиженно надув губы, смириться с этим завуалированным домашним арестом. Теперь я наконец понял, почему тот врач так расстроился, когда я перестал ходить в больницу — выражение его лица напоминало страдания брошенного любовника. Моё нынешнее состояние было примерно таким же. Без Люй Цэчжи время потянулось мучительно медленно.

— Эх-х!.. — я нарочито громко и протяжно вздохнул, тоскливо переводя взгляд на Ши Юя.

Его оставили присматривать за мной — Ши И настоял на том, чтобы переложить эту «почётную и великую миссию» на плечи старшего брата, а сам решительно отправился вслед за Люй-моужэнем навстречу опасностям. Полагаю, он просто боялся повторения истории в Изысканной обители «Наслаждение бамбуком», вот и удрал, поджав хвост, прежде чем Ши Юй успел возразить. Я втайне надеялся, что он проявит хоть каплю сострадания и поддастся на мои безмолвные мольбы выпустить меня погулять.

Увы, он лишь наградил меня свирепым взглядом. Очевидно, его тоже не радовала перспектива сидеть в стороне. Мой глубокий внутренний анализ подсказал: корень недовольства старшего брата Ши — именно я. Пришлось благоразумно замолкнуть, дабы не злить его лишний раз. Без главного защитника под рукой я всерьёз опасался, что он в порыве ярости разделает меня на тридцать шесть кусков. Я был свято уверен: за внешней сдержанностью и осторожностью того скрываются весьма мрачные наклонности к насилию, и испытывать его терпение — затея гиблая.

Я обернулся к немногочисленным бойцам Общества Парящего Дракона, оставшимся в гостинице. Они суетились, обслуживая нескончаемый поток гостей, но на наш стол никто не смотрел. А если чей-то взгляд и падал на меня, то лишь для того, чтобы одарить такой миной, будто у человека случился запор тридцатилетней выдержки. Недовольно фыркнув, они тут же отворачивались.

Я задумчиво вертел прядь волос на пальце, чувствуя себя несправедливо обиженным. В их глазах я был бесстыжим искусителем, который коварством заманил их мудрого и непогрешимого — почти святого, как сам Будда — молодого главу в ловушку запретной мужской любви. Но больше всего их бесило то, что я не только не мог помочь Люй Цэчжи, но и вечно тянул его на дно, заставляя раз за разом получать раны. Для Молодого главы Люй, для

всего Общества Парящего Дракона и даже для всего подлунного мира я был обузой.

Надо же, стоило мне «свалиться с неба», как я тут же стал «весомым» и «немаловажным» членом боевого сообщества. Если так пойдёт и дальше, этому миру точно крышка!

Я во все глаза смотрел на каждого входящего гостя, надеясь, что следующим окажется Люй Цэчжи, но раз за разом меня ждало разочарование. Наконец, окончательно пав духом, я попросил Ши Юя принести мне несколько кувшинов хорошего вина. Потягивая напиток, я гадал, кто же на этот раз устроил засаду. Впрочем, при моих скудных познаниях о жизни в Цзянху на ум приходили только старые знакомые. Я решительно тряхнул головой, отгоняя мысли — нечего зря перегружать мозг.

***

— Не стоит смешивать вина, быстрее опьянеешь, — нарушил молчание Ши Юй, когда я потянулся к четвёртому сорту. Он смотрел спокойно, но в его взгляде мелькнула тень тревоги, подозрительно похожая на ту, что я часто видел у Люй Цэчжи.

— Со мной всё будет в порядке, — улыбнулся я, почувствовав на сердце тепло.

Он и понятия не имел, насколько я устойчив к алкоголю. Когда-то я состязался в выпивке с целой бандой хулиганов, покушавшихся на мою красоту, и единственным героем, который смог выйти из той заварушки на своих двоих, был я! Проблемы, которые приносила внешность, не ограничивались лишь этим; не будь у меня определённых навыков, я бы лишился чести уже сотню раз.

Чем больше я думал, тем больше расстраивался. Чтобы хоть как-то занять руки, я щелкнул пальцами, подзывая официанта, и заказал большое блюдо свежего тофу и миску тёплой воды. То ли мой непринуждённый вид был слишком пленительным, то ли просьба показалась чересчур странной, но Старший брат Ши и добрая половина посетителей уставились на меня с нескрываемым любопытством.

— Зачем тебе тофу? — с недоумением спросил Ши Юй, наблюдая, как озадаченный слуга приносит заказ.

— Хе-хе, не волнуйся, убиваться об него я не собираюсь. Одолжишь метательный нож?

Я таинственно протянул руку, но Ши Юй даже не шелохнулся. Я непонимающе посмотрел на него.

— Я не пользуюсь метательными ножами, — буркнул он.

— Э?.. — я с запозданием вспомнил, что он действительно предпочитает открытый бой

скрытому оружию. Вот досада.

— Если молодой господин не побрезгует, может воспользоваться моим.

Я как раз собирался попросить официанта поискать какой-нибудь нож на кухне, когда тихий, вежливый голос заставил меня обернуться.

За соседним столом сидел юноша в лазурных одеждах. За его спиной замер суровый мужчина, весь в чёрном. От этого телохранителя исходила такая тяжёлая аура жажды крови, что я невольно поморщился.

— Цань, иди присядь, — заметив моё напряжение, негромко произнёс юноша.

— Но… Слушаюсь! — мужчина по имени Цань смерил меня подозрительным взглядом и нехотя вернулся на своё место.

— Вот, возьми, — юноша мягко улыбнулся и протянул мне изящный, тонкий, как крыло цикады, нож. Он слегка покраснел. В отличие от своего грозного спутника, парень выглядел кротким и совершенно безобидным.

—…Спасибо, — я почти сразу проникся к нему симпатией. Тот, кто по-настоящему хочет навредить, не станет подавать нож рукоятью вперёд, удерживая нож за острое лезвие. Хотя, будь на его месте Молодой святой мастер Юйчи Му, я бы не был так уверен!

— И всё же, зачем тебе нож? — прозвучал тонкий, робкий вопрос. Казалось, он едва решается заговорить.

«Неужели он настолько не уверен в себе?» — мелькнуло у меня в голове. Его осторожность сбивала с толку. Имея такого свирепого и преданного слугу, он не должен был вести себя так смиренно, почти подобострастно.

— Хочу вырезать украшение, — я взвесил нож в руке. Лёгкий, тонкий, но невероятно острый. Сердце ёкнуло. Юноша, который запросто носит при себе подобное оружие, явно не так прост, как кажется.

Положив тофу в белое фарфоровое блюдо с водой, я осторожно сделал первый надрез. Когда-то я видел по телевизору кулинарный конкурс, где одним из этапов была резьба по тофу. Неважно, можно ли это потом есть, — изящная фигурка из белоснежной массы всегда приковывает взгляд. По иронии судьбы моя безумная мамуля в своё время помешалась на этом искусстве. Целыми днями она скупала тофу, заявляя, что вырежет «Венеру, выходящую из пены», но из-за отсутствия таланта все её попытки заканчивались крахом.

В итоге раздосадованная мать отправила учиться поварскому делу меня, и первым делом

заставила осваивать именно резьбу по тофу. Какое горе — быть послушным сыном! Она даже не брала в расчёт, что я тогда был загружен учёбой в старшей школе. Её аргумент был прост: с моей внешностью за меня в будущем и так будут драться, так что диплом не имеет значения. Проще говоря — фигурки из тофу важнее моего будущего!

Тогда, подгоняемый маминым кнутом, я каждую ночь видел во сне Венеру. Едва не пал жертвой искусства, заливая фартук кровью из носа! Зато когда я наконец приобрёл иммунитет к полуобнажённым красоткам с идеальными пропорциями, моё мастерство достигло совершенства. Помню, как мамуля приняла из моих рук белоснежную, нежную и удивительно детализированную статуэтку. Она посмотрела на меня с сочувствием и вздохнула: «Сын, кажется, голые женщины тебя больше не трогают…»

!!!..

Сейчас, вспоминая об этом, я понимал: моя мама была по-настоящему страшным человеком!

Пока я предавался воспоминаниям, из куска тофу уже показалось лицо Венеры. Несколько быстрых движений — и наметились контуры пышных локонов. Услышав восхищённый вздох юноши, который и не думал уходить, я внезапно опомнился.

Кошмар! Если я сейчас вырежу полуобнажённую Венеру, как на меня посмотрят эти люди? Как на извращенца или распутника? Или… Бр-р! Холодный пот градом покатился по спине. Я в растерянности огляделся, не решаясь продолжать, и вдруг заметил посетителя, сидевшего через три стола.

Это был круглолицый лысый монах лет тридцати, выглядевший весьма благодушно — вылитый Будда Майтрея. Если бы не одно «но»… Я целых тридцать секунд не мог отвести глаз от горы мяса и кувшинов с вином на его столе. Монах-чревоугодник! И смотрел он на меня как-то подозрительно… опасно.

Фух! Я выдохнул, отвернулся, и тут меня осенило. Одним движением я превратил локоны Венеры в «улиткообразные» завитки буддийской прически. Несколько взмахов ножом — и на блюде проступили очертания лежащего Будды. Юноша снова ахнул от восторга.

Через три четверти часа на столе красовалась белоснежная, мягкая, ювелирно вырезанная статуэтка спящего просветлённого.

— Ты невероятен! — искренняя улыбка юноши — это, пожалуй, самое яркое впечатление, которое он оставил.

— Да ладно, пустяки… — в такие моменты лучше проявлять скромность и ни в коем случае не вспоминать маму. Эх…

— Почему ты решил вырезать именно Будду? — грубый голос вклинился в наш разговор, задавая вопрос совершенно некстати.

— Э-э… — проклятье! Тот самый опасный монах-чревоугодник! Что делать? Можно я не буду отвечать? Он смотрел на меня огромными глазами, похожими на медные колокола, и было ясно: молчание его не устроит. Но что сказать? Судя по его виду, если мой ответ ему не понравится, моя голова может легко расстаться с плечами. А я ещё пожить хочу! Что же делать, что делать?..

— Ну же, говори! — поторопил он с каким-то странным нетерпением.

—…Будда сказал: пятьсот раз мы должны обернуться друг на друга в прошлой жизни, чтобы в этой просто пройти мимо… — я глубоко вдохнул, входя в образ нежно-печального героя. — Чтобы в следующей жизни не знать горечи сожалений, в этой я всем сердцем обратился к вере. Каждый первый и пятнадцатый день лунного месяца я непременно иду в храм, возжигаю благовония и молюсь. Я надеюсь тронуть сердце Будды, чтобы в будущем перерождении он позволил мне встретить, узнать и сберечь ту, кого я люблю. Вы, мастер, человек духовного звания, и вам наверняка претит эта мирская суета влюблённых сердец, но, мастер…

Чёрт! Кажется, я заврался!

«О, мой Бог, прости меня, я предал Тебя. Но ситуация безвыходная, придётся потерпеть. Перед монахом авторитет Будды всё же посильнее будет!»

—…Я понимаю! Я всё понимаю! — внезапно монах, который только что выглядел свирепым, залился слезами. Пока все вокруг безмолвствовали, потрясённые моей проникновенной речью, он вдруг оглушительно взревел: — Это ты! Наконец-то это ты!

Пока я хлопал глазами, не понимая, что происходит, он мёртвой хваткой вцепился в моё запястье:

— Я наконец-то нашёл тебя! Амитабха! Наконец-то!

Развозя слёзы и сопли по лицу, он всё крепче сжимал мою руку и вдруг выдал такое, от чего у меня едва сердце не остановилось:

— Давай поженимся!

***

…!!!

…????

Мне что, послышалось? Через три минуты в обеденном зале гостиницы не осталось ни одного человека, который бы не повалился с ног от шока.

Мне сделали предложение?! Монах?! Монах-чревоугодник?! Какой-то странный, безумный монах, который несёт чепуху ещё похлеще Мастера шахмат Увэй?!

О-о… Просто убейте меня кто-нибудь!

http://bllate.org/book/17512/1658873